

«Наша дворник стала жить»

БЛОКАДНИЦА Валентина Александровна ДОНСКАЯ РАССКАЗАЛА В СВОЕМ ДНЕВНИКЕ О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО С НЕЙ В БЛОКАДНЫЕ ДНИ

О войне тринадцатилетняя школьница узнала, когда отдыхала с мамой на Кировских островах — тогда все отдыхающие собрались у репродуктора, слушая речь Молотова. Потом была неудачная эвакуация с интернатом, но выяснилось, что железнодорожные пути фашисты разбомбили, пришлось вернуться в Ленинград. И здесь началось самое страшное — голод, холод, пропажа хлебных карточек...

«Бабушка отнесла зимнее черное пальто с чернобурковым воротником, фактически новое. Тетя Дуся дала за него 300 г хлеба и котелок картофельных очисток. Были у нас памятные дорогие вещи, которые стояли на комод, их тоже отнесли тете Дусе: сидящую фарфоровую куклу с позолотой и настольные часы, которые отбивали колыбельную музыку (эти вещи дарили бабушке на свадьбу), — получили за эти вещи 300 г хлеба».

Потом была смерть любимой бабушки Марии Яковлевны, дяди Миши, тети Матильды... Но Валентине удалось выжить.

Ее биография наполнена разными событиями — она закончила ремесленное училище, работала токарем, потом — индустриальный техникум, уехала по направлению работать на Дальний осток — на предприятия оборонного комплекса... А в 1994 году блокадница вернулась в родные места — купила комнату в коммуналке в Кронштадте, но мечтала об отдельной квартире. Обратилась за помощью к « ечёрке», которая и помогла ветерану получить жилье в Приморском районе, на Мебельной улице.

«КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА, мы с мамой были на Кировских островах, день был теплый, солнечный, но все отдыхающие собирались возле столба, где висел репродуктор, слушали речь Молотова. Как только закончилась речь, сразу же приехала машина с рабочими, с лопатами и кирками, стали рушить портреты Ленина и Сталина, которые были высажены из цветов, и рыть траншеи.

Мы поехали домой. По радио оповестили, что школьников будут эвакуировать из Ленинграда. Я плакала, не хотела ехать, мама настаивала, бабушка молчала...

Провожали нас на Московском вокзале, играл духовой оркестр, вагоны заполнялись детьми, быстро шли составы за составами.

Направление нашего состава — в город Буй. Очень тяжело я расставалась с бабушкой, только она меня провожала. Затем, когда уже были в пути, начальник поезда сообщил, что ветка на Буй разбомблена, что идем в Данилов. Составы с детьми, которые выехали раньше, сильно пострадали.

В Ленинграде началась паника, стали родители забирать своих детей из интернатов домой. Моя бабушка решила меня забрать, нашла наш интернат, стала просить, чтобы отдали меня домой... Дали нам с собой сухой паек, я попрощалась с детьми и с заведующей, она меня обняла, поцеловала и сказала: «Береги бабушку». (Бабушке моей было 57 лет.)

Дома обнаружили, что где-то оставили свидетельство о рождении и выписку, так как везде необходимо было показывать документы. Так я жила без документов до поступления в техникум.

У меня остались самые теплые воспоминания о моей милой и любимой бабушке Мянник Марии Яковлевне. Без помощи дедушкиной сестры, Сарап Керсти Томосовны, и соседа Платонова Кузьмы Федоровича вряд ли бы я осталась жива, только их помощь, забота, ласковые слова помогли мне держаться, цепляться за жизнь.

Начались блокадные дни, бабушка еще могла шить, были кое-какие заказы, в основном перелицовывала и переделывала вещи. Запасы у нас для еды были очень скудные: небольшой мешочек с остатками корок и ма-

леньких кусочков хлеба — сухарей, немного круп, макарон и банка варенья.

В нашем дворе жила тетя Дуся, была она очень хорошим дворником, но во время блокады она стала жить лучше, чем жила до войны, умирали жители наших трех домов, многим она помогала выносить умерших родных, близких. Тетя Дуся за свою работу брала стандартку и оставленные карточки на хлеб.

Бабушка отнесла зимнее черное пальто с чернобурковым воротником, фактически новое. Тетя Дуся дала за него 300 г хлеба и котелок картофельных очисток. Были у нас памятные дорогие вещи, которые стояли на комод, отнесли т. Дусе сидящую фарфоровую куклу с позолотой и настольные часы, которые отбивали колыбельную музыку (эти вещи дарили бабушке на свадьбу), получили за эти вещи 300 г хлеба.

Потихоньку ходили с бабушкой в Таврический сад, во дворец, где я занималась в балетной группе, детей было немного, нас собирали специально, создавали группы для посещения раненых бойцов в госпиталях, кто мог декламировать, кто имел голос и хорошо пел песни, создавали «литмонтажи».

У бабушки со здоровьем стало хуже, ноги опухали и сильно болели. Нам помогала тетя Кета, дедушкина сестра. Она работала на Герцена, 20, была на прямом проходе Жданов — Сталин, когда А. А. Жданов передал, что хлеба нет, город могут взять на измор, тогда т. Сталин сказал, что будут направлены 500 самолетов, чтобы ни один грамм не был потерян. Ночь была светлая, как день, стоял сплошной гул. Тетя Кета сказала, что прорвались около 300 самолетов, скорости была надбавка по 50 г хлеба...

Прошел тяжелый 1941 год, настал для нас еще тяжелее 1942 год, бабушка слегла совсем, перестала вставать, тетя Матильда умерла.

Приходил к нам сосед Платонов Кузьма Федорович, добрый, честный человек, чем мог помогал. Чтобы топить буржуйку, нам нужно было ломать стулья, письменный стол, шкаф, книжные полки, он всегда со своим маленьким топориком; в сильный мороз ходил за водой,

нашел лазейку в заборе бывшего Прудковского садика, там было строительство, небольшой водоем, и оттуда приносил воду, если не удавалось пробраться, то собирал снег, лед — дома таяли в кастрюле. Кузьме Федоровичу давали мы постельное белье, он ходил на рынок и менял, он вел учет, что продал, что обменял и сколько получил хлеба.

Бабушке становилось все хуже и хуже, что-нибудь приносила я от теты Кеты — то маленький кусочек хлеба, чашечку супа-болтушки, маленький кусочек сахара, — но бабушка почти ничего не ела...

Бабушка Кузьме Федоровичу отдала обручальное кольцо, сняла из ушей сережки и сказала: «Иди на рынок, помогай Валюше».

Я старалась бабушке натирать ноги, но опухоль не спадала, кутала в теплый платок, руки у нее немели, грела воду и поила, маленький кусочек хлеба просовывала в рот бабушке, но организм не принимал никакого питания.

Перед смертью бабушка мне сказала, что карточки взяла мать. Не знаю, говорила ли она Кузьме Федоровичу и тете Кете, кто взял карточки, знала только я — жила молча. Бабушка говорила мне: «Ты помнишь мою работу о вас? О тебе и о маме, все время стремилась, чтобы все мы жили хорошо, брала как можно больше заказов, шила мужские сорочки, шила цыганскому ансамблю костюмы и другим (цыганский ансамбль был напротив Московского вокзала, в бельэтаже).

Бабушка умерла 20 июля 1942 года, по документам — 25 июля 1942 года.

Забрала меня к себе тетя Кета. Дома мне было страшно, казалось, что мать попробовала какое-то плохое мясо, но домой я приходила убирать квартиру. Мать чаще стала приходить домой, приносила немного хлеба, в день одну-две картошечки. Кузьма Федорович находил ценные книги, ходил менять их на съестное.

Наступил 1943 год. Я ходила убирать лестницу и мыть большие окна. В марте 1943-го пришли какие-то бумаги, мать пригласили в эвакуационный центр, шел набор работников на завод «Уралмаш», сборы были быстрые, кое-что взяли из вещей и поехали.

Ехали долго, на станции после Челябинска нас, детей, заворачивали в тулупы и везли в детское учреждение. Здесь как могли добывали еду сами. Старшие ребята давали нам длинные палки с большим гвоздем на конце, с этими палками шли в поле, к насыпным овощехранилищам, в отдушину просовывали палку до картошки, насаживали на гвозди и вытаскивали, каждому нужно было набрать ведро.

С матерью взяли с собой катушки ниток, одна катушка оценивалась как одно ведро картошки, нитки меня вырочали.

В конце сентября 1943 года приехала комиссия по отбору подростков для мобилизации в Ленинград на восстановление города и очистки от нечистот. Отобрали 29 человек и одну воспитательницу, нас уже готовили к отъезду. Шили ватники, шлемы из клетчатого ситца, фамилии и имена вышивали сами, варежки, всем дали новые валенки, ноги заворачивали в тряпки — онучи, белье нижнее мальчиковое. Испекли каждому по караваю. На всех выдали 5 мешков репчатого лука, полмешка картошки и немного угля.